

Глава 1. Как Ся Цзинго в Мире Смертных приют нашёл и, желая отплатить за добро, не того юношу приветил

Февраль 518-го года по календарю Небесного Свода

Весна в тот год не спешила. Мир Смертных окутал ледяной туман, то и дело сменявшийся колючим снегопадом с дождем. Ивовые почки не думали набухать, да и дикая слива мейхуа еще не зацвела. Куда ни глянь — повсюду унылая картина: земля никак не высвободится из ледяного плена, а робкая зелень медлит являться на свет. В народе ворчали, будто зима бесцеремонно вломилась в дом к весне и вознамерилась выжить хозяйку.

Мир Смертных лежал у самого подножия Девяти Небес: над ним высилась обитель бессмертных мастеров, а глубоко под ногами простиралась бездна подземного царства демонов. И хотя из-за близости к земной тверди здесь было теплее, чем в иных мирах, тепла этого едва хватало, чтобы выжить. Всего за одну ночь дороги, макушки деревьев, крыши и дворы вновь погребло под тяжелым снежным покрывалом. Яркое утреннее солнце катилось по небу, но его лучи оставались блеклыми и холодными, не способными согреть остывшую землю.

Сян Жун со скрипом приоткрыл ветхую дверь. Распахивать ее настежь он не решился — лишь образовалась узкая щель, как внутри тут же хлынул холодный вихрь, колючий, точно осыпь ледяных игл. Ощущение было такое, будто стоишь на дне глубокого ущелья, где беснуется метель, начисто лишая ориентиров. Юноша помедлил, собираясь с духом, шумно вдохнул морозный воздух и пулей выскочил наружу. Развернувшись, он поспешно притворил за собой дверь, отсекая ярость непогоды тонкой преградой из подгнивших досок.

Сугробы во дворе нанесли знатные. Сян Жун сделал пробный шаг: нога ушла в снег чуть ли не по колено. Если бы не холод и не скрытая под белой пеленой земля, это смутно напомнило бы ему, как жарким летом он бродил по мелководью в поисках рыбы. При этой мысли юноша твердо решил на обратном пути завернуть к речушке у подножия задней горы. Вдруг повезет поймать хоть какую-то рыбешку? Сян Юй нужно было подкрепить силы: из-за незваного гостя, которого притащил Фэн Фулин, сестренка уже несколько дней не видела нормальной еды. Речка наверняка промерзла до самого дна, так что стоило захватить с собой молоток, чтобы пробить прорубь.

Вернувшись под навес, Сян Жун отряхнул штанины от налипшего снега и взял прислоненную к стене метлу. Спустившись обратно во двор, он принялся усердно разгребать сугробы перед порогом. Вскоре из-под белого плена показалась узкая тропинка, вымощенная старыми, выщербленными плитами серого сланца, уходившая за ворота. Когда-то по этим камням поднимались толпы благочестивых паломников. И сейчас в глубоких трещинах между плитами кое-где багровели застывшие потеки воска и въевшаяся копоть от благовоний. Подобно годовым кольцам на срезе векового ствола, эти следы былого величия не смогли стереть ни ливни, ни палящее солнце, ни свирепые зимние вьюги. Они остались безмолвным памятником ушедшей эпохе.

Рассказывали, что в былые времена каждый приходящий сюда — брел ли он пешком в одиночку, ехал ли в богатых носилках или шел в шумной толпе паломников — должен был

прежде всего омыть лицо и руки в источнике у ворот, названном Лотосовым. Лишь после этого обряда очищения, оставив за порогом мирскую суету и грязь, человек получал право войти в обитель с благовониями и ритуальной бумагой. Считалось, что так люди смывают с себя дорожную пыль и скверну тленного мира, чтобы предстать перед ликом Будды чистыми и равными.

Сян Жун всегда относился к этим благочестивым басням с презрением. В том, что бессмертные существуют, сомнений не было — их величие видели многие. Вот только до нужд простых смертных этим небожителям не было никакого дела. А существовал ли сам Будда — бог весть. Он не верил ни в хваленое буддийское равенство, ни в закон воздаяния за грехи. Будь в мире хоть капля справедливости и кармического суда, их благородная семья не оказалась бы разорена и уничтожена в одночасье. Стал бы он вместе с младшей сестрой скитаться по дорогам, перебиваясь грошовыми заработками от уличных представлений и засыпая на голодный желудок? А настоящий виновник их бед тем временем преспокойно жил в столице, утопая в роскоши и беспутстве, и никакое небесное возмездие до сих пор не достигло мерзавца.

Впрочем, хоть Сян Жун и не признавал богов, стоило признать: кое-какая польза от Будды все же имелаась. По крайней мере, заброшенный храм, выстроенный его верующими, сослужил добрую службу. В эти лютые холода, когда живой человек за полчаса мог превратиться в ледяную глыбу, полуразрушенная обитель стала приютом для их маленькой компании. Обвалившаяся крыша, сохранившая уцелевший угол, и три устоявшие стены защищали от ветра и снега, давая возможность пережить ночь в относительном тепле. Пожалуй, это действительно можно было назвать спасением.

Выйдя на середину расчищенной дорожки, Сян Жун выдохнул облачко пара и вскинул старую облезлую метлу так, словно держал боевое копьё с алым султаном. Движения его мгновенно переменились. Метла в его руках превратилась в грозное оружие: он совершал резкие выпады, наносил рубящие удары, крутил стремительные восьмерки. С каждым взмахом воздух со свистом рассекался, вздымая мелкую снежную пыль. Это не имело ничего общего с теми яркими, но бесполезными трюками, которые он демонстрировал зевакам на площадях ради звонкой монеты. Здесь правил бал настоящий, смертоносный бой.

Посреди его тренировки с неба снова повалили крупные хлопья снега. Они ложились на его смоляные волосы, на затрепанный ватник и мгновенно таяли, оставляя темные влажные пятна. Закончив комплекс движений, Сян Жун застыл, выставив древко перед собой. Тонкие прутья на кончике метлы мелко подрагивали, ловя редкие зимние лучи. Стоило им остановиться, как на самом верху успела скопиться крошечная горсть свежевыпавшего снега. Постояв так мгновение, юноша легким движением стряхнул ее в сугроб у обочины. Горсть белого пуха затерялась среди своих предшественников, став лишь едва заметным штрихом на общем холодном холсте. Но если бы кто-то пригляделся к этому месту повнимательнее, он заметил бы, что снег в сугробе под солнечными лучами отливает едва различимым, пугающим багрянцем.

Сян Жун не заметил этой странности. Вернув метлу на прежнее место под навесом, он толкнул тяжелую дверь и вошел во внутренний зал. Из всех монастырских построек уцелела лишь эта обитель — кельи и хозяйственные пристройки давно превратились в груды битого кирпича и гнилых балок. Тщательно прикрыв за собой дверь, юноша прошел вглубь помещения, где на

импровизированной постели лежала его младшая сестра Сян Юй. Изменений не было. Лицо девочки оставалось мертвенно-бледным, губы посинели от непрекращающейся лихорадки, а сама она исхудала настолько, что походила на сухую ветку, готовую сломаться от малейшего дуновения ветра. И все же для Сян Жуна отсутствие ухудшений уже было добрым знаком. Больше всего на свете он боялся, что болезнь возьмет верх и сестра угаснет окончательно.

Убедившись, что сестра спит, Сян Жун обернулся. В углу, ухаживая за спасенным несколько дней назад незнакомцем, сидел Фэн Фулин. Он нахмурился:

— Все еще не пришел в себя?

— Нет, — коротко отозвался Фэн Фулин.

Понимая, что пора собираться в дорогу, он убрал влажную тряпицу со лба юноши и уже собрался подняться, но какое-то странное предчувствие заставило его повременить. Он пристально вгляделся в лицо незнакомца. Тот болезненно нахмурился и что-то беззвучно прошептал в бреду.

Фэн Фулин слегка наклонился, силясь разобрать слова, но, как и в прошлые дни, уловил лишь невнятное бормотание.

Он наткнулся на него у рыночной площади. Юноша рухнул прямо перед их скромным балаганом. Из всех циркачей в их труппе числились лишь трое: он сам, Сян Жун и малышка Сян Юй. Болезнь девочки заставила их выйти на улицу в первый же день, едва улеглась метель — деньги на лекарства требовались немедленно. Представление уже подошло к концу, немногие зрители разошлись, и они как раз собирались сворачивать лагерь, когда прямо перед ними, словно соткавшись из воздуха, бесформенным кулем упало человеческое тело. Яркое, пламенно-алое одеяние незнакомца выглядело вызывающе и нелепо на грязном, утоптанном снегу.

Оба они растерялись. Первым опомнился Фэн Фулин: сообразив, что парень уткнулся лицом прямо в сугроб и может попросту задохнуться, он бросился вперед и перевернул его на спину. Бережно очистив ноздри незнакомца от забившегося туда льда, Фэн Фулин обнаружил, что перед ним совсем еще мальчишка, лет двенадцати-тринадцати на вид — младше их обоих. Когда с бледного лица стерли грязь и сажу, под ними оказалась нежная, гладкая кожа. Сразу было видно: этот изнеженный барчук отродясь не знал тяжелого физического труда. Как они ни пытались привести его в чувство, он не реагировал. Отнести его к лекарю они не могли при всем желании — едва наскребали медяки на лечение Сян Юй, платить за чужака было просто нечем.

Сян Жун, всегда недолюбливавший богатых бездельников, тогда лишь пренебрежительно фыркнул:

— Посмотри на его одежду. Ткань дорогая, цвет яркий. Наверняка сынок какого-нибудь знатного господина отбился от слуг на прогулке. Оставим его здесь, слуги хватятся и быстро

его отыщут.

Фэн Фулин обычно не отличался чадолюбием и отзывчивостью, держась со всеми подчеркнуто холодно и отстраненно, но при виде бесчувственного ребенка его сердце неожиданно дрогнуло. Оглядевшись по сторонам, он вспомнил, что в этих кварталах крутится немало сомнительных личностей, промысляющих похищением детей. Сами они едва не попались в лапы одного такого дельца, когда только прибыли в город в начале месяца.

— Ступай за лекарством для сестры, — негромко произнес Фэн Фулин. — А я побуду здесь. Подожду, пока не объявятся его родные.

В тот день прохожих на улицах почти не было, и выручка оказалась ничтожной. Собранных за два дня медяков едва хватало на половину скромного рецепта, но даже такое снадобье было лучше, чем ничего.

Сян Жун перевел взгляд с друга на лежащего на снегу барчука, недолго подумал и кивнул:

— Хорошо. Я заберу лекарство и сразу вернусь в храм, не жди меня.

Он закинул за спину свое длинное копье. В свои пятнадцать лет юноша только начал вытягиваться, и начищенное до блеска оружие казалось куда выше своего владельца. С этими словами он развернулся и зашагал прочь.

Фэн Фулин остался караулить. Перетащив бесчувственного подростка в относительно защищенный от ветра угол, он просидел возле него до самых сумерек. На небе уже зажглась холодная луна, но никто так и не появился в поисках пропавшего ребенка. Перед самым закрытием городских ворот, видя, что мальчик дышит ровно, но приходить в себя не собирается, Фэн Фулин решился. Помедлив мгновение, он взвалил бедолагу себе на спину и понес к их убежищу.

Едва чужое тело коснулось его спины, Фэн Фулин ощутил удивительное, обволакивающее тепло. Сперва он списал это на сильный жар у больного, но вскоре заметил, что его собственный затрепанный ватник, насквозь пропитавшийся влагой от тающего снега, полностью высох. Оказалось, чудесным источником тепла была сама алая ткань одеяния мальчика. О существовании подобных чудодейственных вещей Фэн Фулин даже не догадывался. В душе он порадовался собственной доброте: найди мальчишку какой-нибудь случайный прохожий, его бы раздели догола ради дорогой ткани, обрекая на неминуемую смерть от обморожения.

В заброшенном храме найденный провел без сознания больше четырех дней. Он не подавал никаких признаков скорого пробуждения, и Фэн Фулин уже начал всерьез опасаться за его жизнь. Однако посреди этих мрачных мыслей спящий едва заметно пошевелился, и его ресницы дрогнули. «Неужели очнулся?» — промелькнуло в голове у Фэн Фулина. Испытав облегчение, неразговорчивый по натуре юноша замер, терпеливо ожидая, пока незнакомец откроет глаза.

Ся Цзинго медленно открыл глаза и непонимающим взглядом уставился перед собой. Прямо перед его глазами висел какой-то невзрачный серый холст. Мысли двигались вяло, и он далеко не сразу догадался просто повернуть голову. Наконец, совладав со своим телом, он перевел взгляд в сторону и наткнулся на присевшего рядом юношу. Лицо незнакомца поражало своей благородной, суровой красотой: четко очерченные скулы, прямые упрямые брови и глубокие, чистые глаза, в которых отражалась холодная решимость. Он сидел неподвижно, напоминая покоящийся в ножнах клинок искусной работы — тихий, но таящий в себе смертоносную силу.

Ся Цзинго замер, завороченный этим зрелищем. Странное, почти мистическое чувство шевельнулось в его груди — казалось, они были знакомы целую вечность. Однако сколько он ни пытался отыскать хоть какую-то зацепку в своей памяти, вспомнить этого человека ему так и не удалось.

Ся Цзинго еще немного помолчал, разглядывая своего спасителя. Не дождавшись от него ни слова, он удивленно моргнул и спросил:

— Это ты меня спас?

Фэн Фулин едва заметно кивнул и коротко обронил:

— Да.

Ся Цзинго призадумался.

«И правда, спас...»

Преодолея скованность в теле, он рывком сел и принялся оглядываться. Зрелище удручало: вокруг царила разруха заброшенного святилища. Дыра в потолке была наспех прикрыта плоским булыжником, а в углу сиротливо высилась расколотая глиняная статуя Будды с отбитой головой. Ся Цзинго невольно покачал головой от изумления.

«Жители Мира Смертных превзошли сами себя! Не зря их зовут бунтарями, а их край — форпостом подземной обители демонов!»

Ся Цзинго вздохнул, и мысли его приняли безрадостный оборот.

«Впрочем, падение буддизма было предрешено, так что удивляться нечему. Интересно, как поживают наши даосские патриархи?... Да и отец хорош: отправить меня, обделенного духовными корнями, в это захолустье с грязной энергией ци! О какой вообще культивации может идти речь, если все пять моих духовных каналов забиты наглухо, а местный воздух полон скверны? Даже если бы здесь текли реки чистойшей ци, мне бы это мало помогло... И все же, почему он отправил меня одного, без сопровождения старших братьев? Это совсем не похоже на обычную тренировку. Меня просто выбросили сюда, как ненужный хлам...»

Ся Цзинго почувствовал, как к горлу подкатывает горькая обида.

Погрустив немного, он вспомнил, что его спаситель до сих пор сидит рядом и внимательно наблюдает за ним. Смутившись, мальчик виновато улыбнулся.

Ся Цзинго никогда прежде не думал, что окажется в месте с настолько истощенной духовной энергией, и здешних обычаев совсем не знал. Мало того что его безжалостно вышвырнули из Мира Девяти Великолепий, так еще и выжить ему помог простой смертный. По всем законам чести за такое благодеяние полагалось щедро отплатить. Но карманы его были пусты: при себе у него осталась лишь старинная родовая нефритовая подвеска. Как быть?

Ся Цзинго лихорадочно соображал.

«Что там советовал дядя-наставник Юнь в таких случаях?.. Точно! Отплатить за спасение собственной персоной и предложить себя в жены... или в мужа?»

<http://bllate.org/book/20066/2028359>